

Горский А. В., *прот.* Слово при конце года на притчу о талантах: [Произнесено 30 декабря 1873 года в академической церкви] // Богословский вестник 1894. Т. 4. № 12. С. 414—418 (2-я пагин.).

С Л О В О

при концѣ года на притчу о талантахъ *).

Подобаше убо тебѣ вдати сребро мое торжникомъ: и пришедъ азъ взявъ быхъ свое съ михвою (Мѡ. 25, 27).

При концѣ года естественно вспомнить объ отчетѣ въ употребленіи дарованныхъ намъ средствъ и силъ отъ Верховнаго Подателя жизни. Въ обществѣ человѣческомъ это общепринятое правило,—возьмемъ ли часть правительственную, хозяйственную, учебную, торговую. Въ природѣ, насъ окружающей, въ нашей собственной природѣ, съ круговращеніемъ времени, примѣчасмъ, какъ, не смотря на непрерывное его теченіе, послѣ годичнаго оборота выдѣляется въ составѣ того или другаго организма новый слой, новый рядъ явленій, по которымъ можно опредѣлять годы его жизни. Изъ этого видно, что и несвободная природа, по даннымъ ей законамъ, такъ сказать, повѣряетъ себя, считаетъ свой приходъ и расходъ силъ, явственною чертою отмѣчаетъ результатъ прожитаго года. То, что дѣлается безсознательно въ природѣ, что признало для себя полезнымъ и необходимымъ благоразуміе житейское,—найдетъ ли для себя излишнимъ жизнь духовная,—это высшее проявленіе нашего бытія, котораго ростъ и направленіе имѣютъ значеніе на цѣлую вѣчность? Волею и неволею и здѣсь отмѣчаются результаты прошедшаго. Но если мы не будемъ къ тому внимательны въ свое время, то при неправильномъ употребленіи дарованныхъ намъ средствъ, къ концу жизни можетъ оказаться такой недочетъ, такой на насъ долгъ, который не въ состояніи мы будемъ уплатить, хотя бы снова начали жизнь.—Примѣчательно, что и въ законѣ, Богомъ

*) Произнесено 30 Декабря 1873 г. въ академической церкви.

данномъ чрезъ Моисея, былъ установленъ при началѣ новаго года особый день всенароднаго поста и покаянія, который назывался днемъ очищенія. То былъ десятый день новаго года. Предшествующіе девять дней какъ бы давались для осмотра прожитаго года, для повѣрки своихъ дѣяній съ закономъ Божиимъ, и потомъ, когда совѣсть каждого обличить уклоненіе отъ заповѣдей Господнихъ, въ десятый день приносились торжественно жертвы: первосвященникъ въ облаченіи смиренія входилъ во святое святыхъ храма, кровію жертвенною кропилъ на очистилище, окроплялъ алтарь кадилный, алтарь всесожженія, словомъ обновлялъ и очищалъ все во святилищѣ, чтобы сынъ израиля, приходящій сюда, снова могъ здѣсь находить себѣ примиреніе съ Богомъ и приближаться молитвою къ своѣму Творцу. Такъ законъ напоминалъ сынамъ израиля ежегодной повѣркѣ своей жизни предъ Господомъ.

Въ этомъ намѣреніи, чтобы помочь нашему самоиспытанію, почитаю не неприличнымъ обратить ваше вниманіе на притчу Евангельскую о талантахъ.

Притча говоритъ о богатомъ человѣкѣ, который, отправляясь въ далекую страну и на долгое время, роздалъ слугамъ своимъ разныя суммы для приращенія посредствомъ торговыхъ оборотовъ. Одному далъ пять талантовъ, другому два, третьему одинъ. По возвращеніи своемъ онъ потребовалъ у своихъ рабовъ отчета во ввѣренныхъ имъ капиталахъ. И двумъ первымъ, изъ которыхъ одинъ представилъ другіе пять талантовъ приращенія, а другой также въ своей мѣрѣ удвоилъ капиталъ, не только изъявилъ одобреніе, но и подарилъ первому всѣ десять талантовъ, а второму четыре. Видны въ этомъ и справедливость и щедрость господина: справедливость, потому что онъ судить и награждаетъ не по случайнымъ успѣхамъ или неуспѣхамъ, а по мѣрѣ данныхъ средствъ и собственнаго усердія cadaго. Если усердіе одинаково, то хотя бы успѣхи и не равнялись между собою, онъ вознаграждаетъ трудившихся въ равной мѣрѣ.

Не такова была участь третьяго. Конечно, онъ и не заслуживалъ щедраго воздаянія, потому что не сдѣлалъ отъ своего таланта никакого приобрѣтенія, а только сохранилъ его въ цѣлости и возвратилъ его тою же самою монетою,

какъ получилъ: но, по крайней мѣрѣ, казалось бы, заслуживалъ онъ награды за вѣрность сохраненія. — Въмѣсто этого, господинъ, во первыхъ, обличилъ его въ лѣности и потомъ не только взялъ у него данный ему талантъ обратно, но и самого его осудилъ на заключеніе въ такое мѣсто, гдѣ плачь и скрежетъ зубовъ вѣчно. Господинъ сказалъ ему: если ты не хотѣлъ самъ трудиться, то по крайней мѣрѣ отдалъ бы серебро мое мѣняламъ, и я возвратилъ бы его съ прибылью. — Какъ видно изъ первыхъ двухъ примѣровъ, господинъ не о своемъ обогащеніи заботился, но желалъ, чтобы его достояніе принесло пользу другимъ. А этотъ рабъ подвергся осужденію за то, что изъ данныхъ ему средствъ *не сдѣлалъ пользы ни себѣ, ни другимъ*.

Кто этотъ господинъ, для всѣхъ ясно. Не трудно также усмотрѣть, какой урокъ слѣдуетъ извлечь изъ отношеній этого господина къ лукавому и лѣнивому рабу. — Господинъ—есть Царь Небесный, раздаятель всѣхъ даровъ въ человѣчествѣ, естественныхъ и благодатныхъ, и этою притчею Господь научаетъ насъ двумъ обязанностямъ: во первыхъ, постоянно и ревностно заботиться о приращеніи данныхъ намъ средствъ къ *собственному спасенію*; и во вторыхъ, не зарывать своихъ талантовъ, но употреблять ихъ *на пользу ближнихъ*. Черезъ это мы, при помощи благодати Божіей, устроимъ и собственное спасеніе, и поможемъ нашему ближнему.

I. Ничто не можетъ извинить нашей лѣности въ исполненіи нашихъ обязанностей въ отношеніи къ Богу. Если бы всевѣдущій Судія, зная о нашей косности на пути добродѣтели, въ то же время видѣлъ въ насъ одинаковое равнодушіе къ благамъ всякаго иного рода, то, можетъ быть, еще извинилъ бы нашу неподвижность въ духовномъ преспѣваніи. Но когда онъ видитъ, какъ неудержимо жизнь общественная развивается въ нашихъ городахъ, какъ она стремится къ угожденію всякой страсти въ сердцѣ человека, къ удовлетворенію личныхъ желаній каждаго въ тысячѣ разнообразныхъ формъ, то не скажетъ ли Онъ: лукавый рабе и лѣливый! У тебя достаетъ времени, охоты и силъ для всякаго другаго дѣла, кромѣ Моего. — Если посмотрѣть на то, сколько является соискателей на всякое мѣсто, должность, которыя болѣе обѣщаютъ прибытка, влія-

нія, значенія, отличій, какъ они перебиваютъ дорогу другъ у друга, стараются отгѣснить соперниковъ; то скажемъ ли, что желаніе преимуществъ предъ другими, порывы честолюбія, властолюбія совсѣмъ заглушены въ насъ?—Если посмотрѣть на то, какъ заботливо сводитъ свои счета кунецъ, и къ концу года старается опредѣлить, сколько въ теченіи года приобрѣлъ барыша,—и какъ онъ скорбитъ, если замѣтитъ ущербъ въ своихъ торговыхъ оборотахъ, и придумываетъ всякіе способы поправить свои обстоятельства; то невольно скажешь, что этотъ человѣкъ не изъ такихъ, для которыхъ все равно, есть или нѣтъ ему прибытокъ.

И мы дѣйствительно хвалимся, что вѣкъ нашъ — вѣкъ прогресса, вѣкъ преобразованій, вѣкъ улучшеній; хвалимся уничтоженіемъ рабства, облагороженіемъ нравовъ, усовершенствованіемъ судопроизводства.... Если дѣйствительно все у насъ возвышается, если нельзя отрицать прогресса въ мірѣ разумномъ, какъ нелѣпо было бы спорить противъ непрерывнаго движенія земнаго шара: то спрашивается, не справедливо ли въ высшей степени, чтобы Господь требовалъ отъ насъ также непрерывнаго преслѣванія на томъ пути, который Онъ единственно указалъ христіанину,—въ умноженіи тѣхъ благъ, которыя единственно имѣютъ цѣну въ очахъ Всесвятаго? Почему, по какому праву эта сторона нашей духовной жизни можетъ, или должна быть оставлена въ пренебреженіи, тогда какъ всѣ другія процвѣтаютъ, совершенствуются?

Да мы сами въ другихъ дѣлахъ лѣность считаемъ порокомъ, грѣхомъ. Мы сами требуемъ отъ человѣка, который посвящаетъ себя какому нибудь званію, неотлагательно постояннаго усовершенствованія въ исполненіи своихъ обязанностей. Никто не будетъ хвалить художника или писателя, котораго позднѣйшія произведенія не возвышаются далеко надъ первыми, дѣтскими попытками владѣть кистію или перомъ. Въ дитяти, или ученикѣ всегда желаемъ видѣть непрерывные успѣхи, и почитаемъ для себя самымъ прискорбнымъ дѣломъ, если они, по нерадѣнію, не развиваются, какъ слѣдуетъ. Мы крайне огорчаемся и негодуемъ, если взявшійся намъ служить не оказываетъ большей и большей способности въ той мѣрѣ, какъ онъ знакомится съ своими обязанностями.—Поэтому не въ правѣ ли и общій насъ

всѣхъ Господь сказать намъ, возвращающимъ талантъ его безъ плода: *отъ устъ твоихъ сужду тя, лукавый рабе и лѣнивый*. Отъ всѣхъ, кто зависить отъ тебя, кто служить тебѣ, ты требуешь постоянного, неукоснительнаго стремленія къ усовершенствованію, хотя средства, которыми они могутъ служить тебѣ, не тобою даются; и ты прогоняешь отъ себя слугу грубаго и лѣниваго: а Я одинъ долженъ все это терпѣть въ тебѣ, моемъ слугѣ, все оставлять въ прежнемъ положеніи, не требовать никакого усовершенствованія?

Что же? развѣ таланты, намъ ввѣренныя, по своей природѣ таковы, что не могутъ приносить болѣе плода?—О, нѣтъ. Они способны возрастать, совершенствоваться, умножаться во сто, въ тысячу разъ, при посредствѣ правильной и усердной дѣятельности. Мы разумѣемъ здѣсь тѣ дары духовныя, которые удѣляются каждому христіанину, — тѣ расположенія и силы къ совершенію добродѣтелей, которыя сообщаются въ крещеніи, укрѣпляются другими таинствами, охраняются, раскрываются и возгрѣваются добрымъ воспитаніемъ, и которые способны тѣмъ болѣе возрастать, чѣмъ болѣе входимъ въ лѣта зрѣлости, если только будемъ внимательны къ своему дѣлу душевному. Святыя таинства, какъ обильныя источники благодатнаго орошенія, всегда готовы развивать въ сѣмени новой жизни новыя ростки.

Итакъ, ничто не можетъ извинить нашей медленности, нашей лѣности въ дѣлѣ нашего собственнаго спасенія.

II. Но, заботясь о своемъ спасеніи, мы должны имѣть въ виду и спасеніе нашихъ ближнихъ. Черезъ это ввѣренный намъ отъ Бога талантъ тѣмъ болѣе будетъ получать приращенія, чѣмъ на большее число нашихъ ближнихъ будетъ простираться его употребленіе.

Внимательный къ себѣ христіанинъ много имѣетъ средствъ въ своемъ распоряженіи, чтобы быть полезнымъ для истиннаго блага другихъ. Онъ можетъ устранять препятствія, какія міръ полагаетъ имъ на пути добродѣтели, и можетъ самъ возбуждать своихъ ближнихъ къ добродѣтели.

Справедливо то, что порокъ, которому надлежало бы скрываться, любить слишкомъ нагло выставлять себя и старается заразить тысячи,—тогда какъ добродѣтель, которая являетъ въ себѣ столько привлекательнаго и достойнаго

любви, ищетъ напротивъ сокровенности и избѣгаетъ всякаго вида публичности. Скромность есть одно изъ лучшихъ ея свойствъ. Однако же нельзя не опасаться, чтобы эта скромность не переродилась въ безпечность и лѣность. Считается добрымъ правиломъ: безъ неизбѣжной необходимости не вступать во вражду съ міромъ; обыкновенно мы считаемъ за лучшее—если что слышимъ или видимъ дурнаго, пропускать безъ вниманія,—коль скоро мы не убѣждены совершенно, что намъ вмѣшательство будетъ имѣть добрыя послѣдствія. Отсюда происходитъ, что часто слышится въ обществѣ насмѣшки или лжеумствованія на счетъ религіи или нравственности христіанской,—и мы не обращаемъ вниманія на эти рѣчи и не обличаемъ, чтобы не нарушить мира; певѣжество, легкомысліе, злоба изливаются въ язвительныхъ осужденіяхъ священныхъ предметовъ нашей вѣры,—а мы слышимъ это и какъ будто боимся показать себя раздѣляющими уваженіе къ этимъ предметамъ и выступить ихъ защитниками. Отсюда происходитъ и то, что часто сама религія подвергается несправедливому обличенію въ слабости и безсиліи къ защищенію себя.—Такой образъ дѣйствованія, очевидно, противенъ духу Евангельскому. Добродѣтели приличествуетъ полное уваженіе и господство; все противное должному къ ней уваженію должно умолкнуть, и мы оскорбляемъ ее, когда осуждаемъ ее на такое уничижительное положеніе. Даже по изображенію язычника, мужъ добродѣтельный однимъ своимъ появленіемъ обезоруживаетъ неистовствующую толпу, принуждаетъ ее разсѣяться, бѣжать со стыдомъ отъ лица его. Не тѣмъ ли съ большею силою, добродѣтель христіанская, укрѣпляемая благодатію и тѣмъ сознаниемъ, что она защищаетъ дѣло самое благородное,—не тѣмъ ли болѣе можетъ посрамить своихъ враговъ и уничтожить ихъ? Урокъ, который можетъ она дать, найдетъ себѣ подкрѣпленіе въ совѣсти обличаемаго. Разъ или два, можетъ быть, онъ еще будетъ имѣть наглость отражать такія вразумленія: но наконецъ добродѣтель должна одержать верхъ.—Но гдѣ, въ наши дни, мы найдемъ, чтобы старый закоснѣлый грѣшникъ страшился произнести слово, которое можетъ оскорбить нѣжный слухъ цѣломудрія? Гдѣ найдемъ, чтобы присутствіе какого нибудь лица, если только оно не пользуется особеннымъ уваженіемъ по власти или

высокому своему положенію, — удерживало отъ такихъ выраженій, вредящихъ доброй нравственности или оскорбляющихъ религію? Гдѣ найдемъ нынѣ, чтобы потокъ вовсе неназидательной бесѣды пресѣкъся, разсказъ соблазнительной исторіи прервался, осужденіе, клевета, злословіе, насмѣшка замолкли, коль скоро является въ среду бесѣдующихъ мужественный ревнитель добродѣтели и вѣры?

Между тѣмъ Господь говорить: *кто не со Мною, тотъ противъ Меня.* (Мѡ. 12, 30). Этими словами осуждается всякій нейтралитетъ, какимъ мы обыкновенно въ такихъ случаяхъ хвалимся, и отъ насъ требуется живое и *дѣятельное* споспѣшествованіе спасенію нашихъ ближнихъ.

Мы должны не только заботиться объ устраненіи препятствій на пути добродѣтели, но и съ радостію пользоваться всякимъ случаемъ къ созиданію спасенія нашихъ братій. А какъ много такихъ случаевъ представляется ежедневно, чтобы служить имъ въ изъясненіи истинъ и правилъ нашей вѣры, въ разсѣяніи предубѣжденій противъ нихъ, въ сообщеніи имъ добрыхъ нравственныхъ совѣтовъ, въ кроткомъ вразумленіи, а болѣе всего въ предъявленіи имъ добраго примѣра въ своей жизни. О какъ блаженна та душа, которая не одна идетъ по пути къ Царствію Небесному, но впереди себя посылаетъ многихъ другихъ, чтобы уготовали ей тамъ обитель!

Вотъ какъ можно приумножать таланты, приобрѣтая къ пяти еще пять, къ двумъ еще два, — если будемъ не только заботиться о собственномъ возрастаніи въ добродѣтели, но и по мѣрѣ силъ содѣйствовать спасенію нашихъ ближнихъ. Господь съ своей стороны требуетъ отъ насъ этого сугубаго приращенія и въ притчѣ своей показываетъ, какъ недостойно, и какъ неразумно поведеніе тѣхъ, которые упорствуютъ въ исполненіи этого требованія.

Недостойно: послушайте, какое ужасное извиненіе представляетъ, и какое единственно находить возможнымъ представить тотъ, кто противится этому требованію. *Господи, говоритъ непотребный рабъ, видяхъ тя, яко жестокъ еси человекъ; жениши, идѣже не стѣялъ еси, и собираеши, идѣже не расточилъ еси... Се имаша твое* (ст. 24, 25). Другими словами это значитъ: я всегда считалъ тебя господиномъ жестокимъ и несправедливымъ. Какъ бы въ насмѣшку, ты

предоставляешь мнѣ достигать спасенія такими средствами, какими нельзя его достигнуть; повелѣваешь собирать жатву, не давши необходимыхъ для того средствъ; требуешь отъ меня большаго, нежели сколько даешь. Возьми свое обратно, и распоряжайся имъ, по своему усмотрѣнiю.. Какая ужасная хула противъ Своего Благодѣтеля!

Сколько богохульнымъ представляется такое извиненiе, столько же, или еще болѣе, оно неразумно: потому что отрицаясь съ такимъ прекословіемъ служить Богу и отдавая себя на служенiе міру, непотребный рабъ дѣйствительно поступаетъ на служенiе такому господину, который *жнетъ, идеже не сѣялъ, собираетъ, идеже не расточалъ*. Дѣйствительно, міръ требуетъ отъ насъ силъ и способностей, которыя не онъ далъ намъ; требуетъ, чтобы употребляли мы все время на его дѣла, тогда какъ онъ не можетъ намъ подарить ни одной минуты отъ себя; требуетъ пожертвованія здоровьемъ и силами тѣлесными, которыя не отъ него сообщаются намъ и которыхъ не можетъ возвратить намъ; требуетъ на служенiе себѣ нашъ умъ, сердце, волю, чтобы растлить и погубить ихъ.

Поспѣшимъ освободить себя отъ такого тяжкаго ига и предать себя на служенiе Единому Богу Спасителю нашему и вмѣстѣ дѣлу спасенія нашихъ братiй о Христѣ Иисусѣ. — Аминь.

Прот. А. Горскій.
